

Утром

Этой ночью она совсем не спала... Лежала, слушала тишину и его дыхание. Он лежал рядом — ее муж. Спал, чтоб проснуться, встать и уйти от нее к другой женщине, той, что сможет родить ему ребенка.

Она давно чувствовала, что рано или поздно он уйдет от нее и обязательно утром.

Каждое утро, уходя на работу, он глухо ронял;

- Ну, я пошел.

- Куда?! — испуганно спрашивала она и замирала в ожидании ответа.

— На работу, куда же еще, — хмуро отвечал он, глядя в сторону, и у нее отлегалось от сердца.

— Я провожу тебя. Нам с тобой по пути, — торопливо говорила она. — Ладно?

Он пожимал плечами: Проводи.

Им было совсем не по пути. Детский сад, где она работала воспитательницей, находился совсем в другой стороне, но ей хотелось, пускай хоть совсем немного, но побыть вместе с ним, рядом...

Так было много дней подряд. А вчера...

Она осторожно, так, чтобы не разбудить его, приподнялась на локте.

Вчера вечером, вернувшись с работы, он, стараясь не смотреть на нее, собрал чемодан. Вон он стоит на стуле, у стола.

— Ты куда? — тихо спросила она, — К ней?

Она видела эту женщину. Видела совершенно случайно, когда спешила с работы домой. Она стояла рядом с ним и что-то говорила, говорила. Она была не такой красивой и, наверное, не такой доброй и ласковой, но она могла подарить ему то, о чем он так мечтает,—ребенка...

— В командировку, — буркнул он, не оборачиваясь. Ей всем сердцем так хотелось поверить в то, что это так, но не смогла и побледнела.

За вечер они не сказали друг другу ни слова: он непрерывно курил, она что-то делала по хозяйству...

Она посмотрела на него. Он лежал, закрыв глаза, и лишь только ресницы чуть заметно вздрагивали. Ей хотелось взять его за плечо, резко повернуть к себе и закричать, умолять, чтобы он не уходил от нее, сказать, что любит его и что нет в том ее вины, что не может стать матерью. Но вместо этого она прижала ладонь к губам и тихо, неслышно опустила голову на подушку.

Она понимала его, как может понять только женщина, которая любит. Она только одного старалась и не могла понять: за что? За какие грехи ей такое наказание?

Он пошевелился. Она сжалась в комочек, замерла.

— Спишь? — негромко спросил он.

Она промолчала. Сквозь смеженные ресницы видела, как он встал, подошел к окну и долго стоял там — большой и, как ей отчего-то показалось, совсем беспомощный. Видела, как он, ожесточенно чиркая спичками, закурил, как потрогал ручку чемодана и ушел в кухню и там, в кухне, как обычно что-то ворча себе под нос, поставил на газовую плиту чайник, шумно уселся на табурет...

Она жадно прислушивалась, но ничего, кроме тишины больше не услышала.

«Сейчас попьет чаю, оденется и уйдет, - со страхом подумала она, не сводя глаз с кухонной двери. — Уйдет и оставит меня одну. Совсем одну».

Ткнулась лицом в подушку, прошептала:

— Господи! За что же он меня так больно? За что? Что я ему плохого сделала?— и заплакала, ощущая свое полное бессилие.

Плакала недолго. Торопливо вытерла глаза и снова стала слушать, чем он занимается там, в кухне.

Слышала, как закипел чайник, как он наливал кипяток в заварной чайник, как открылась хлебница и масленка. Затем услышала негромкое и, как ей показалось, отчаянное:

— К черту все! — звук брошенной на стол ложки. — Чай горячий, хлеб черствый, масло... К черту такое масло! Не масло, а льдина, намазанная жиром!..

Она лежала, слушала и невольно чувствовала себя виноватой за все это: за горячий чай, за хлеб, за масло... За то, что ему плохо.

Неожиданно и громко зазвенел будильник. Тот самый будильник, что он вчера вечером так старательно заводил. Услышала раздраженное:

— Тебя еще тут только и не хватало! — и будильник замолчал.

В квартире стало тихо; Только с улицы доносился шум проезжающих автомашин.

Она долго лежала молча и вдруг, неожиданно для самой себя, громко окликнула его:

— Витя?!

— Чего тебе?! — донеслось недовольное, — Спи давай.

— Ты не опоздаешь? — спросила она и замерла в ожидании ответа, прижав ладонь ко рту.

— Куда? — спросил он, помолчав.

— В командировку.

— Отменили командировку, — спокойно ответил он после продолжительного молчания. — Вчера начальник цеха звонил. Да и в конце-то концов, что я им, мальчик, по командировкам ездить! Пускай найдут кто помоложе.

Никто, совсем никто им вчера не звонил. Она бы обязательно услышала. Она была все время рядом...

— А я думала, что ты поедешь, — тихо проговорила она.

— Думать никому не запрещено, — проворчал он, входя в спальню. — Она, видите ли, думала... Спи!